

## РОБЕРТ АДЕЛЬГЕЙМ

На старой русской сцене братья Адельгейм казались отражением какой-то ругой, чужой, „немецкой“ культуры. По тщательности рисунка, по раздробке дегалей, по умной и продуманной подаче текста каждого слова, каждого движения Адельгеймы напоминали знаменитых „немцев“ — Поссорта, Барная, Левинского и др. А в то время еще не перевелись Аркашки и Геннадии, путешествовавшие из Ке чи в Вологду и обратно по шпалам, еще жив был Шмага, уверявший, что артист „горд“ и что „его место в буфете“. Еще в почеге б ли мочоловская романтика отрицания школы и прославление „нугра“.

Когда в 1896 г. на первом актерском съезде А. И. Южин в своей речи доказывал необходимость образования для актеров, необходимость профессиональной школы, в ответ на его слова вышла известная артистка Стрелетова и произнесла пылающую от „негодования“ ответную речь, заключив ее возгласом: „Долой школу, долой учебу, да здравствует Мочалов!“.

И вот тут-то заслуга братьев Адельгейм действительно чрезвычайно велика. В таких условиях они несли культуру сценической работы. Кажется, нет уголка в нашей необъятной стране, которого не посегили бы братья Адельгеймы, принося в самую глушь и захолустье старой и революционной России культуру Шекспира, Шиллера и Гюго.

Самая демократическая аудитория зрителей „там, в глубине России“, в медвежьих углях, где кочевали братья Адельгеймы, обязана именно им тем, что впервые приобщилась к могучему гению мировых драатургов, познакомилась с трагедией Гамлета и Отелло, борьбой Карла Моора и мыслителя Уриеля Акосты.

На днях нелепый случай вырвал из наших рядов Роберта Львовича Адельгейма.

С первых же лет Октябрьской революции Роберт Адельгейм определил свое отношение к рабоче-крестьянской власти. Несмотря на свои годы Р. Л. принимает с мое активное участие в худ жественном обслуживании рабочих клубов и красноармейских частей.

Его жизнь — интереснейшая творческая страница в истории русского театра. И смерть его — громадная утрата подлинно народного артиста-гражданина.